

Н. Б. Граматчикова,* Т. И. Рожкова

**КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ
В РАБОЧЕЙ ПОЭЗИИ МАГНИТКИ: ПАМЯТЬ КАК РЕСУРС**

doi: 10.30759/1728-9718-2019-2(63)-14-21

УДК 82-1(470.55)“1930/1970” ББК 83.3(235.55)

Статья определяет приоритетные стратегии конструирования «коллективной памяти», реализуемые поэтами Магнитогорска в 1930–1970-х гг. (Б. Ручьев, М. Люгарин, Н. Кондратковская). Память рассматривается как личный и коллективный ресурс, содержащий одновременно необходимые и опасные для личности элементы идентичности. Наиболее радикальные представители рабочей поэзии (Б. Ручьев) в стремлении обрести новую идентичность прибегают к разнонаправленным практикам ее конструирования, описанным в статье. К началу 1960-х гг. логика индустриального развития исчерпывает себя, и востребованным оказывается иное тематическое поле. То же поколение поэтов формирует новую парадигму концепта «вторая родина», расширяя «родное» до природного ландшафта всего Южного Урала. Поэмы Н. Кондратковской, с одной стороны, поддерживают принятую в советской историографии эволюционную схему, пантеон героев и антигероев, сохраняют литературоцентризм и, частично, колониальные практики, а с другой стороны, находятся в русле мировых тенденций усиления ответственности и локальной активности субъекта. Авторы статьи считают, что первоочередной задачей поэтов было формирование актуальной идентичности в отношении себя и своего поколения («коллективная память»); при этом автобиографическая память поэтов активно участвовала в определении их места в локальной иерархии («первостроители»), тогда как семейная история и межпоколенческая память замещались сконструированными легитимными образами. Освоение «мест памяти» Южного Урала в рабочей поэзии коррелирует с общемировыми тенденциями перехода от индустриального к постиндустриальному обществу, отличаясь повышенным стремлением совпасть с диктуемыми эпохой ролями.

Ключевые слова: *рабочая поэзия, коллективная память, семейная память, Н. Кондратковская, М. Люгарин, Б. Ручьев, идентичность, автобиография*

Массовое литературное движение первых послереволюционных десятилетий становится значимым ресурсом в практике формирования новой идентичности сотен тысяч людей, особенно в условиях «сокращения настоящего» ради устремленности в будущее. Точками «формовки» творцов слова становятся литературные объединения, «кабинеты рабочих писателей» при строящихся заводах-гигантах. На первых социалистических стройках воспитание «нового рабочего человека» было особо востребова-

но, как и усвоение литераторами новых техник «правильного» письма. Большинство текстов открыто демонстрируют радикальный разрыв с прошлым, заставляющий корректировать личную память и автобиографическое письмо.

В романе А. Малышкина «Люди из захолустья» (1938) образ поезда, везущего «всю Россию» с дремوتного Поволжья в южные степи строить плотину и завод у горы Атач, становится одной из композиционных осей и символической доминантой повествования. В 1931–1932 гг. А. Малышкин бывал в Магнитогорске и, возможно, в круг описанных им типажей вошла будущая литературная элита рабочего Урала: Б. А. Ручьев (Кривошеков), М. М. Люгарин (Заболотный).¹ Позднее туда приехали А. Н. Лозневой, Н. Г. Кондратковская, Л. К. Татьяничева. Молодым поэтам предстояло дать язык тектоническим сдвигам самоидентификации, обеспечить «Магнитострой» в литературе.²

Граматчикова Наталья Борисовна — к.филол.н., н. с. сектора истории литературы, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: n.gramatchikova@gmail.com

Рожкова Татьяна Ивановна — д.филол.н., профессор, зав. лабораторией народной культуры, НИИ исторической антропологии и филологии, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова (г. Магнитогорск)
E-mail: robin.55@mail.ru

* Исследование выполнено Н. Б. Граматчиковой за счет гранта РНФ, проект № 19-18-00221 «Эго-документы: межисточниковые диалоги о России первой половины XX в. в историко-литературном контексте» (рук. Н. В. Суржикова)

¹ Относительно причин смены фамилий возможны различные версии, но на стройке их знали под псевдонимами Ручьев и Люгарин.

² Для восстановления творческой биографии магнитогорских поэтов много сделала Л. Гальцева (Гальцева Л. П. Высокое

Пассионариям, живущим мечтой о лучшей жизни и ставшим ее строителями, «насильственный биографизм» эпохи (Ф. Тун-Хоенштайн),³ т. е. принудительно внедряемые практики многократных формализованных рассказов о себе, казался оправданным: история обещала впереди «окно в туннеле, не совсем понятный, но необходимый человечеству коммунизм» (Н. Г. Кондратковская).⁴ Процессы «обнуления» прежней истории и зарождения ее «нового» начала сопровождалось конструированием нового биографического и творческого «я». Вместе с рабочими бригадами великой стройки сложилась литературная группа «Буксир» (1930–1932), позднее она была переименована в литбригаду им. А. М. Горького.

*«Кровный друг» и «друг отпетый»:
радикализм новой идентичности
в поэзии Б. Ручьева 1930-х гг.*

В кругу рабочих поэтов Магнитки переоценка старых и презентация новых культурных смыслов наиболее решительно происходили в поэзии Бориса Ручьева (1913–1973), приехавшего на стройку вместе с другом Михаилом Люгариним (1908–1996). Их биографии открывают нам поведенческие стереотипы людей, «вырывающих» себя из прошлого. Первоначально молодые люди, одержимые мечтой стать публикуемыми авторами, прибыли в Москву, пополнив ряды тех, чьи биографии Е. Добренко считает типичными для поэтов «второго призыва», составлявших «нищую богему» столицы, разочаровывающуюся и доходящую до самоубийств.⁵ В редакции журнала «Октябрь» друзья получили консуль-

открытие: о творчестве Бориса Ручьева. Челябинск, 1973). Возможность интерпретации поэзии Б. Ручьева в аспекте пространственных координат предлагает Е. Жеребцова (Жеребцова Е. Е. Организация пространства в стихотворных циклах Б. Ручьева 1940-х–1950-х годов // Литературное краеведение. Челябинск, 2006. С. 59–64). Активно вписывает пролетарских поэтов Урала 1920–1940-х гг. в современный им идеологический и политический контекст, отмечая перформативный характер литературы и публицистики того времени, Ю. Подлубнова (Подлубнова Ю. С. Газета «За Магнитострой литературы» и литературное движение на Урале в 1932–1933 гг. // Приоритеты массмедиа и ценности профессии журналиста: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2018. С. 151–153).

³ Тун-Хоенштайн Ф. В лаборатории советской биографии: Серия «Жизнь замечательных людей». 1933–1941 гг. // Человек и личность в истории России. Конец XIX–XX век. СПб., 2012. С. 439.

⁴ Кондратковская Н. «Ах, если бы еще одну мне жизнь!». Белоречк, 2006. С. 115.

⁵ См.: Добренко Е. Формовка советского писателя. СПб., 1999. С. 271.

тацию Н. Полетаева, следуя которой отправились на строительство металлургического гиганта. В то время будущие «певцы Магнитки» находились «под сильным влиянием поэзии Сергея Есенина и Иосифа Уткина». ⁶ Последнего, как отмечает Е. Добренко, комсомольская критика называла «красным Байроном», призывая молодых поэтов учиться у него «экономии художественных средств и максимальной выразительности». ⁷ Есенинские мотивы и образы деревенской природы и родного дома присутствуют в ранних стихах Б. Ручьева («Граммфон», «На озере», «В школе», «Зима»).

На «великой Сталинской стройке», как именовали тогда Магнитострой, шла «переделка сознания» вчерашних крестьян, сотнями прибывавших из деревень. Ломка «идиотизма деревенской жизни» становится значимой темой журнала «Буксир», критически отображающего «мелкособственнический» подход к работе. Предполагалось, что новая литература поможет перевоспитать и перестроить сознание рядовых строителей, утвердить ценности бескорыстного коллективного труда, сформировать идеологическую зоркость и устойчивость.

Концептуальный образ, обозначающий разрыв со старым и решительное укоренение в новом, предложил Б. Ручьев, сформулировав идею «второй родины». Это словосочетание возникло в начале 1930-х гг. и было закреплено в названии первого сборника стихов поэта («Вторая родина», 1933). ⁸ То, что Б. Ручьев мыслил свой путь как общий, типический, подтверждается манифестацией «творческой группировки» поэтов с тем же названием, о создании которой он объявляет на совещании РАПП в апреле 1932 г. Парадоксальная иерархия (первая и вторая родины) призвана наделить символическим капиталом прежде всего «родину вторую» — строящийся завод, а затем, повинаясь императиву мировоззренческого монолита, она должна была вытеснить «первую». Сборник «Вторая родина» состоит из стихотворений-ситуаций, в каждом из которых переоцениваются старые и утверждают новые ценности «производственного фронта» (Б. Ручьев) в сюжетах, типологически

⁶ Поэты литбригады: сборник. Челябинск, 1969. С. 15.

⁷ Добренко Е. Указ. соч. С. 279.

⁸ Сборник в 1933 г. вышел дважды — в Свердловском издательстве «Уралгиз» и в Москве в издательстве «Советская литература» под редакцией Э. Багрицкого и А. Суркова. На первом съезде писателей Урала макет книги украшал сцену (см.: Лозневой А. Зовет гора Магнитная // Каменный пояс. Челябинск, 1974. С. 64).

близких сотням прибывших на строительство людей. Здесь, на заводских стройках, происходила замена форм производственной (само)организации: артельное начало, спаянное экономической выгодой («сам себе хозяин, голова и пан»), уступало место управленческим технологиям бригад («боевых единиц»), где участникам разъяснялось, «за какую доблесть бьемся и живем». «...Умерла последняя артелька, / чтоб родиться лучшей из бригад» («Артель-бригада», 1932)⁹ — это стихи не о смерти старого, а о перерождении форм и сути человеческой общности. Лексика сборника отчетливо милитаризирована, его протагонист — «строй-армеец, фронтовик, герой», вместе с тысячами таких же, как он, идущий «дорогою рекордов, / фронтом самых боевых забот» («Товарищ», 1932), антагонист — равнодушный к плану «тыловик» или артельщик («Разговор бригадира бетонщиков Козлова с другом Василием Щукиным», 1932). Сверхурочный труд («ночные атаки») с перенапряжением сил, результаты которого ежедневно отражались в прессе, позволял ощутить единение со страной, соучастие в сотворении «своей эпохи».

Построение прозрачной автобиографии «нового человека» предполагало публичное очищение от «недостатков происхождения» и идеологических «уклонов» (практики покаяния, самообвинения и др.). Отзвуки этого делопроизводственного по истокам жанра находим в стихотворении Б. Ручьева «Дополнение к анкете... и заявлению о вступлении в ряды ВЛКСМ» (1932), где герой в исповедальной интонации дополняет анкетные данные демонстрацией своей идейной устойчивости. Раскаianie слито с ненавистью к разоблаченному бригадиру артели, оказавшемуся «мироедом из Вятки», а также сбивчивыми строками показаний («Видел я только эту харю, / оболгавшую всю артель. / Может, я по ней не ударил, / только помню, что бил, как в цель...») (т. 1, с. 63, 64). Лирическая маска «серого» и «простоватого» парня, пережившего второе рождение на стройке, служит оправданием недостаточной классовой зоркости героя. В завершающем стихотворении сборника («Стихи о первой родине», 1933) иерархия установлена: «...По второй равняется первая родина / на крутой дороге сегодняшних боев» (т. 1, с. 69).

⁹ Ручьев Б. Собр. соч.: в 2 т. Челябинск, 1978. Т. 1. С. 29. Далее стихотворения Б. Ручьева цитируются по данному изданию с указанием номера тома и страниц в скобках.

Острота внутреннего конфликта снята, прежде «я» уже не может стать настоящим.

Если Борис Ручьев производил на творческих встречах с рабочими впечатление артиста («Кряжистый, голубоглазый, бросал он в толпу жгучие, литые слова»), то в Михаиле Люгарине современники видели «крестьянина, воспитываемого стройкой». «...У него совсем иные стихи, обращенные к родным полям, к матери, что осталась в родной станице», — вспоминал А. Лозневой.¹⁰ Отказ от прежнего трудно давался М. Люгарину. Стихи запечатали возвратный характер его умонастроений: «Скучно мне бывает, крестьянину, / До души в свою деревню врос. / Бросить бы бетонную плотину / Да пойти в колхоз» («Иная радость», 1930).¹¹ Чтобы стать на стройке своим, ему буквально приходится «забывать кол» «над старой песней», которая не отпускает и манит: «Теперь я жизнь / Встречаю по-иному, / Хотя трудно мне / Бывает иногда, — / Моей деревни / Голубая дрема / Порой меня / Сбивает со следа» («Слово комсомолу», 1931).¹² Б. Ручьев же, по свидетельству А. Лозневого, к тому времени уже занимал привилегированное положение: по распоряжению директора завода «его, как поэта, перевели из барака в только что выстроенную заводскую гостиницу».¹³ Коллективный характер идентичности предполагал и расширение ответственности. Так, Б. Ручьев предупреждал «кровного друга» М. Люгарина: «...и запомни: в жизненном строю / за твою походку отвечаю, / как и ты ответишь за мою» («Стихи первому другу — Михаилу Люгарину», 1932) (т. 1, с. 59).

В книге «Вторая родина» Борис Ручьев подчеркивает родство победного знамени индустриализации и знамени «первых бригад Октября» («Артель-бригада», 1932), утверждая тем самым важную тему преемственности поколения, «опоздавшего пройти революции огненный вал», но желающего приобщиться к славе отцов («Атака», 1931). «Отцы» со «знаменем Октября» — конструкт эпохи, воспроизводимый Б. Ручьевым. В его биографии эти «отцы» не просто условны, они выступают заменой и сокрытием собственной семейной

¹⁰ Лозневой А. Указ. соч. С. 63. Подробнее об этом и об оценке Д. Бедным стихов М. Люгарина см.: Гальцева Л. Строитель и поэт. К 80-летию М. Люгарина // Каменный пояс. 1988. URL: <https://biography.wikireading.ru/245453> (дата обращения: 03.12.2018).

¹¹ Люгарин М. Раздумье над судьбой. Челябинск, 1977. С. 38.

¹² Там же. С. 37, 38.

¹³ Лозневой А. Указ. соч. С. 63.

истории: отец и дед Бориса Ручьева — потомственные казаки. Отец А. И. Кривошеков — учитель и краевед, с 1914 г. действительный член Оренбургской ученой архивной комиссии; редактировал газету «Казачья мысль», участвовал в работе войскового круга Оренбургского казачьего войска, Всероссийского Учредительного собрания (1917), Комуча (1918); после Гражданской войны до конца жизни работал учителем в Казахстане и Киргизии.¹⁴ Упоминание о своей настоящей семье, несомненно, могло стоить Борису Ручьеву жизни.

Драматизм добровольного отказа от казачьего и деревенского в себе передает поэма Б. Ручьева «Зависть» (1933), посвященная памяти деда Ивана Егоровича. Ее текст соткан из амбивалентных, инверсированных образов (т. 2. с. 3–7). Для понимания поэмы значима история ее публикации, которая при жизни поэта состоялась лишь однажды (журнал «За Магнитострой литературы», 1933. № 3). В дальнейшем Б. Ручьев категорически отказывался включать поэму в свои книги, считая ее «слабой и несовершенной». Зависть в поэме изображена как чувство, направленное от деда к внуку. Между тем харизматичность образа отвергаемого героя очевидна. Дед в поэме — «станичник, рыбака вечный, матерщинник и зверобой», «злой и веселый» (отметим гумилевское сочетание эпитетов); соразмерный природным силам («охотился лютый ветер за папайкой... волос»), пахнущий «смолою бора, кровью волка и косача, всеми водами и простором оренбургского казачья». Мотивы крови, смерти, убийства прочно закрепляются за образом деда, хотя помещены в максимально легитимные для эпохи рамки (казачья служба, охота и рыбалка), тогда как «военный арсенал» молодежной стройки наделен героическим значением. В поэме разрабатывается, возможно, наиболее острое во всем творчестве Б. Ручьева противостояние иерархических рядов прежних и новых ценностей. «Безвестная могила» венчает «крутую судьбу» деда, вместившую обесцененные внуком военные кампании (среди которых Ляолян, опозитизированный в «Сопках Маньчжурии», и Карпаты Первой мировой). Юный герой, обретший силу в коллективном труде, актуальном для страны, убеждает себя в том, что иной вариант жизни пронизан тоской и слабостью, при-

крытыми показным удалством. И все же нечто в поведении и фигуре деда чрезвычайно раздражает лирического героя (неслучайно деду и его могиле сопутствуют образы крапивы и «зрелого репья» — символы не только забвения и запустения, но и побеждающей все витальной силы): даже на «горячей последней постели» дед не желает укладываться в предлагаемое внуком эмоциональное прокрустово ложе. В свою очередь, внук отказывается очаровываться «древностью»: «Я не верил глазам и речи, не завидуя, не хваля...» Накал агональности, который двадцатилетний автор приписывает деду («Ты во всем, от удали до крохи, перещеголять хотел меня»), ощущается скорее как инвертированная проекция собственных сложных переживаний на фигуру глубоко значимого старшего родственника, с которым прочно ассоциируется детство и ранняя юность. Именование деда «ответым другом» («...где ж тебя встретишь, ответый друг...») полисеманлично и отражает хаос чувств юного, дерзкого, гордого и несправедливого внука, чьи «счастливые кольца дороги» уведут от родной станицы, но рефреном возвращают к щемящему чувству потери то ли детства, то ли родных, то ли важной части себя самого.

Как известно, парадокс судьбы первого поколения рабочих поэтов Магнитки состоял в том, что, сделав ставку на общее и коллективное, они буквально через несколько лет были подвергнуты испытанию, при котором отвергнутый персональный опыт выживания там, куда «приволокла жизнь», оказался максимално востребованным.¹⁵ Тем не менее, в сборнике Б. Ручьева мы находим первое в рабочей поэзии Магнитогорска системное воплощение в художественных образах отказа от реалий семейной памяти в пользу идеологических конструктов, реализованных затем в судьбах сотен первостроителей.

«Помнить мог, а значит, и любить...»: «голос земли» в поэзии Н. Кондратковской

С конца 1960-х гг. внутри государственно-легитимизированной поэтической линии (где завод был и детищем, и местом работы, и средой обитания, и донором социальной сферы) берут начало движения, не оппозиционные, но

¹⁴ См.: Абрамовский А. П., Кобзов В. С. Кривошеков Александр Иванович // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 296.

¹⁵ Б. Ручьева арестовывают в 1937 г., в лагерях Оймякона и в ссылке он находится до 1957 г. М. Люгарина арестовывают и ссылают дважды. Избежавшим расстрела «литбригадовцам» предстояло пережить неоднократные ссылки и лагеря, где коллективное прошло серьезное испытание личным, разрозненным и разъединенным.

альтернативные по отношению к утвердившемуся образу города-завода. У южноуральских читателей становятся популярными «легенды и сказы» Нины Георгиевны Кондратовской (1913–1991), первоначально опубликованные в газетах, затем, в переработанном виде, составившие книги «Синий камень» (1979) и «Сердце-озеро» (1984).

В судьбе Н. Кондратовской разворачивается иной сценарий работы с коллективной и семейной памятью. Для нее дорога в Союз писателей была непростой. Ровесница и «однокашница по курганской школе» Б. Ручьева и М. Люгарина,¹⁶ она приезжает на строительство Магнитки вслед за ними, но печататься начинает на десятилетие позже, с октября 1942 г., назвав годы молчания «закулисьем»: «Я ходила на все занятия и заседания литбригады им. Горького, но стихи не показывала никому», хотя в «толстом» дорожном чемодане черновики сочинений разного рода составляли «ровно половину всего имущества».¹⁷

Ситуация изменилась к началу 1960-х: за несколько десятилетий образы завода-гиганта выхолащиваются, логика индустриального развития исчерпывает себя, оказывается востребованным новое тематическое поле. В эти годы Н. Г. Кондратовская как педагог участвует в фольклорных экспедициях по Южному Уралу. Новый взгляд на землю, чья этническая история до сих пор игнорировалась или звучала робким фоном индустриальных побед, был созвучен читателям, и следующим «рабочим материалом» поэзии Магнитки становятся фольклорные тексты, получившие литературную обработку. К этому же времени относится начало работы Н. Кондратовской над автобиографической прозой, не предназначавшейся ею к публикации: корни ее семьи были связаны с дворянством Полтавской губернии, где бабушка А. М. Овсеенко окончила с золотой медалью Полтавский институт благородных девиц. Дед Г. Г. Кондратовский был исключен из числа студентов Киевского университета за участие в студенческих волнениях, сослан в Вятскую губернию; там имел частную врачебную практику; погиб на Первой мировой.¹⁸ В 1920-е гг. Нина вместе с матерью уехали на Урал, где «поменяли фами-

лию и затерялись»:¹⁹ в курганской школе Нину Кондратовскую знали под фамилией Белова.

Позиция поэта-медиатора, создающего маску «рассказчика из народа», прочно вошла в репертуар эпической советской поэзии, наделяющей индивидуальное ценностью лишь по факту причастности к коллективному. Часть сюжетов Н. Кондратовская обрабатывает в эпическом стиле («Три невесты», «Сказ о горе Башмак», «Сказ про Олексашкину чашу»); их автор мыслится как коллективный («старички говорят», «у народа на устах») либо дан в литературной маске «сказителя», к этому времени уже имевшей развитую литературную традицию (не случайно в двух случаях в названиях поэм она заявляет приверженность к жанру сказа, имитирующему народную эпическую манеру повествования). Своеобразие поэзии Н. Кондратовской заключается в том, что, укрываясь за образом лирической героини, слушающей и пересказывающей, она доносит до читателей рассказы «простых людей», помнящих прошлое не по книгам, дает слово «голосам земли и ветра». В некоторых легендах выведены рассказчики, у которых есть реальные прототипы: о чудесном «синем камне» повествует седой старик-сэсэн, «Предание о Соленом озере» записано со слов «старого солдата» (озеро и поныне является местом паломничества, где можно услышать истории исцеления), предание о сыне Пугачева рассказывает старушка Кузьмовна.

Основной пантеон южноуральских героев Н. Кондратовской близок советскому канону, выправившему народную традицию в соответствии с идеологической иерархией. Образ Пугачева, значимый для всех территорий, где разворачивались страшные события, имеет неоднозначную систему нарративов: уральцы помнят, где проходили его отряды, как были уничтожены целые селения, какую фамилию получили оставленные незаконнорожденные дети. Топонимы Пугачевская гора, Пугачевский вал, Пугачевская копань, Пугачевский камень типичны для Южного Урала.²⁰ Сюжеты легенд Н. Кондратовской о Пугачеве избирательны по отношению к многомерности устных и письменных свидетельств о нем

¹⁶ Кондратовская Н. Г. Указ. соч. С. 115.

¹⁷ Рабочая тетрадь Н. Г. Кондратовской конца 1970-х гг. Семейный архив дочери Т. В. Сержантовой.

¹⁸ См.: Кондратовская Н. Г. Указ. соч. С. 8, 13, 99.

¹⁹ Из беседы с дочерью Т. В. Сержантовой. Архив ЛНК НИИ ИАФ МГТУ. Таким образом, все три рассматриваемых нами поэта имели опыт смены фамилий.

²⁰ В записях 1966–1971 гг. подборку устных рассказов о Пугачеве опубликовал уфимский фольклорист Л. Г. Бараг (см.: Материалы и исследования по фольклору Башкирии и Урала. Уфа, 1974. Вып. 1. С. 131–144).

и развивают советскую традицию позиционирования его в качестве романтизированной «справедливой отместки» в противовес дореволюционному официальному именованию его «бунтовщиком и разбойником».

Топонимические легенды и предания часто представляются буквальная «память места», вне идеологических рамок. Недаром в поэмах Н. Кондратовской появляется образ ветра, сложившего песни озера Зюраткуль, «растрезвонившего байку» о камне Шайтан на Иткуле. Поэзия Н. Кондратовской — это прежде всего авторская версия народных топонимических сюжетов: таковы ее «Пугачевская горка», «Тайна абзакской лиственницы», «Игнатьевская пещера». О последнем тексте она писала, что в пещере ее поразили открытые учеными наскальные рисунки первобытного человека, но больше всего — «изображение женщины». ²¹ Ее поэма не только рассказывает о беглеце Игнате, но и удостоверяет в силе воздействия искусства. ²²

Особую группу в творчестве Н. Кондратовской составляют легенды, в основе сюжетов которых — устная традиция тюркских уральских народов («Синий камень», «Сказ о горе Башмак», «Три невесты», «Сердце-озеро», «Камень Шайтан», «Чертов палец», «Тайсара»). Как правило, они связаны с необычными ландшафтными реалиями: народную фантазию будят останцы, большие камни в русле рек, причудливые очертания озер. Башкирские и казахские предания, по воспоминаниям близких, Нина Кондратовская любила за их исключительную поэтичность и очевидные мифологические универсалии. Она и сама проникается логикой народного мифотворчества и создает тексты, для которых фольклорных источников не зафиксировано. Например, фольклористам известно, что плещущая вокруг камней в русле рек вода порождает легенды о трагической смерти одного из возлюбленных, ²³ — Н. Кондратовская пишет поэму-легенду, где красавица башкирка Зюрат хоронит в озере свое разбитое сердце («Сердце-озеро»). Этимологический анализ

гидронима Зюраткуль ²⁴ и свидетельства путешественников прошлых веков (П. Палласа и И. Лепехина) не дают материала для подобных построений. Приведем еще один пример. Реки, берущие начало в одном источнике и текущие параллельно, в народной топонимике традиционно осмысливаются как бегущие/убегающие герои. На территории Агаповского района протекают три такие реки (Гумбейка, Зингейка и Янгелька), ставшие образами поэмы Н. Кондратовской «Три невесты», хотя этимология названий и в этом случае свидетельствует в пользу авторской фантазии. ²⁵

Очевидно, что Н. Кондратовская стремится преподнести Южный Урал как родной и свой, свободно организуя пространство по законам его мифопоэтического восприятия. Топонимические предания представляют собой вербальное закрепление «мест памяти» живущих на этой земле народов. Предоставляя право голоса земле (а не заводу), поэт формирует новую парадигму отношений с окружающим миром, но считать ее внеидеологической было бы некорректно: ценностная рамка задается самим отбором сюжетов, их развернутым наполнением (фольклорный текст сжат и краток, он часто представляет собой то, что Р. Барт называл «пустой формой» мифа), а также теми текстами, которые лишь условно могут быть отнесены к имеющим фольклорное происхождение.

Следуя за П. Нора, можно сказать, что подобная «живая картография», сохраненная устной традицией, соответствует представлениям о «местах памяти» как о «теплых», «священных», «живых» и конкретных. ²⁶ В этом смысле фольклорная традиция, конечно, противостоит официальной историографии. Однако в случае советской поэзии стоит говорить не столько о борьбе с омертвляющим «критицизмом истории» как науки, сколько о сопротивлении официальному историческому

²¹ Кондратовская Н. Г. Сердце-озеро. Челябинск, 1984. С. 147.

²² Определенность авторской позиции Н. Кондратовской очевидна в случаях разнообразия фольклорных версий: Игнатьевскую пещеру также называют Игнатовой, Дальней, Серпишевской, а исторически первичным является ее башкирское название — Ямазы-Таш. Подробнее об этом сюжете см.: Башкирское народное творчество. Предания и легенды. Уфа, 1987. С. 487.

²³ См.: Материалы и исследования по фольклору Башкирии и Урала. С. 58.

²⁴ Согласно исследованию М. В. Лабзиной, этимология гидронима восходит к корням башкирского языка: «зур» — большой, «ат» — лошадь, «куль» — озеро (Лабзина М. В. Гидронимы Южного Урала (материалы к спецкурсу и спецсеминару) // Вестн. Магнитогор. гос. ун-та. 2000. № 1. С. 82–90).

²⁵ Гумбейка — русская форма от тюркского мужского имени Гумбей / Гунбей / Гунбай; Зингейка — русская форма от «женге», «женгей» — «сноха» (казах.); Янгелька — русская форма от тюркского мужского имени Янгил, Янкиле — «счастье пришло», составленного из персидского имени Ян, Жан, Джан — «душа», «жизнь», «счастье» и тюркского слова «киле, гиле» — «пришел» (см.: Шувалов Н. И. От Парижа до Берлина по карте Челябинской области. Челябинск, 1982. С. 36, 41).

²⁶ См.: Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб., 1999. С. 17–50.

мифу, подчиненному требованиям доминирующей идеологии. Н. Кондратковская не боролась с советским (она сама была одним из его сотворцов), но считала возможным реализовать тот уровень активности субъекта, который один из западных идеологов экологического движения как раз в эти годы назвал «оконным правом», имея в виду неотъемлемое право человека на преобразование окружающего его личного пространства в соответствии со своими представлениями о гармонии и красоте.²⁷

Разрабатывая неиндустриальную проблематику, Н. Кондратковская развивает концепт «вторая родина», расширяя «родное» до природного ландшафта всего Южного Урала. Коллективная «народная память» в ее поэтических переложениях становится «мягкой силой», способной составить альтернативу государственному официозу.

Однако теоретики культуры пишут о скрытых в такой памяти искушениях, которые в полной мере обнаруживают себя и в поэтических переложениях Н. Кондратковской: «...рассказ о коллективной памяти любой группы или же общества в целом является расска-

зом о памяти лишь части этой группы, прежде всего той ее части, которая обладает средствами производства культуры или мнения которой наиболее влиятельны. Противодействовать искушению единой коллективной памяти можно, выступая в поддержку представления о множестве разновидностей коллективной памяти, производимых в различных сегментах общества».²⁸ Следуя такой логике, дальнейшее обогащение памяти должно развиваться в сторону дробления коллективной памяти на более мелкие «памяти групп», что мы и отмечаем в настоящее время в расцвете народного родословного письма.²⁹ При этом очевидно, что прямое противопоставление аутентичности, неангажированности народной, семейной, индивидуальной памяти монолитности памяти официальной не выдерживает критики. Работа с нарративами автобиографической и семейной памяти свидетельствует о высокой зависимости памяти личной от коллективных доминирующих практик эпохи, которые создавались, в частности, поэтами, находившимися в сложных отношениях с собственным автобиографическим прошлым.

Natalia B. Gramatchikova

Candidate of Philological Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: n.gramatchikova@gmail.com

Tatiana I. Rozhkova

Doctor of Philological Sciences, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk)

E-mail: robin.55@mail.ru

²⁷ См.: Манифест австрийского архитектора и живописца Хундертвассера Ф. Ваше оконное право, ваш долг перед деревьями. Дюссельдорф, 27 февраля 1972 // Фриденсрайх Хундертвассер. Friedensreich Hunderwasser. URL: http://www.hundertwasser.ru/philosophy/pages/1972--Your_Window_Right>Your_Tree_Duty--RUS-Hundertwasser.html (дата обращения: 03.12.2018).

²⁸ Олик Дж. К. Коллективная память: две культуры // Историческая экспертиза. URL: http://istorex.ru/page/olik_dzheffri_k_kollektivnaya_pamyat_dve_kulturi (дата обращения: 03.12.2018).

²⁹ Лаборатория народной культуры НИИ исторической антропологии и филологии ведет постоянную работу по сбору рукописей родословных воспоминаний народных авторов. Наиболее объемная публикация — Костин Г. И. Корни и отростки древа Костиных за прошедшие 345 лет. Магнитогорск, 2008. В архиве лаборатории хранятся рукописные сборники А. П. Нестерова «Для наглядной памяти детишкам и внучаткам...» (с. Агаповка), И. А. Фефелова «Воспоминания» (Верхнеуральск), И. А. Шеффера «Родословность» (с. Анненское). Стоит отметить, что память рода Кондратковских при жизни Нины Георгиевны осталась достоянием внутрисемейным: Н. Г. Кондратковская выступила инициатором поездки всей семьи на родовые места на Полтавщине, написала объемные воспоминания. Вместе с тем ее личная семейная память так и не стала частью образной системы ее творчества.

CONSTRUCTION OF IDENTITY IN MAGNITKA'S WORKING POETRY:
MEMORY AS RESOURCE

The article defines the priority strategies of constructing “collective memory”, realized by the poets of Magnitogorsk in the 1930–1970s. (B. Ruch'ev, M. Lyugarin, N. Kondratkovskaya). Memory is considered as a personal and collective resource, containing elements of identity that are both necessary and dangerous for an individual. The most radical representatives of working poetry (B. Ruch'ev) in the pursuit of a new identity resort to versatile practices of its construction, described in the article. By the early 1960s, the logic of industrial development exhausts itself, and a different thematic field turns out to be in demand. The same generation of poets forms a new paradigm of the “second motherland” concept, expanding the “native” to the natural landscape of the entire Southern Urals. N. Kondratkovskaya's poems, on the one hand, support the evolutionary scheme adopted in Soviet historiography, the pantheon of heroes and anti-heroes, preserve literary centrism and, in part, colonial practices. On the other hand, they are in line with the global tendencies of increasing responsibility and the local activity of the subject. The authors believe that the poets' primary task was the formation of actual identity in relation to themselves and their generation (“collective memory”). At the same time, autobiographical memory of the poets actively participated in determining their place in the local hierarchy (“first-builders”), while family history and intergenerational memory were replaced by constructed legitimate images. The development of the Southern Urals “sites of memory” in working poetry correlates with the global trends of transition from industrial to postindustrial society, it is notable for an increased desire to coincide with the roles the epoch dictated.

Keywords: *working poetry, collective memory, family memory, N. Kondratkovskaya, M. Lyugarin, B. Ruch'ev, identity, autobiography*

REFERENCES

- Abramovsky A. P., Kobzov V. S. [Krivoshchekov Alexander Ivanovich]. *Ural'skaya istoricheskaya entsiklopediya* [Ural historical encyclopedia]. Ekaterinburg: Akademkniga Publ., 2000, 296 p. (in Russ.).
- Dobrenko E. *Formovka sovetskogo pisatelya. Sotsial'nyye i esteticheskiye istoki sovetskoy literaturnoy kul'tury* [Forming a Soviet writer. Social and aesthetic origins of the Soviet literary culture]. Saint Petersburg: “Akademicheskii projekt” Publ., 1999, 557 p. (in Russ.).
- Galtseva L. P. *Vysokoye otkroveniye: o tvorchestve Borisa Ruch'yeva* [High revelation: about Boris Ruch'ev's work]. Chelyabinsk: YuUKI Publ., 1973, 184 p. (in Russ.).
- Labzina M. V. [Hydronyms of the Southern Urals (materials for special course and special seminar on the Russian language for students of humanitarian faculties of pedagogical institutes)]. *Vestnik Magnitogorskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Magnitogorsk State University], 2000, vol. 1, pp. 82–90. (in Russ.).
- Materialy i issledovaniya po fol'kloru Bashkirii i Urala* [Materials and studies on the folklore of Bashkiria and the Urals]. Ufa: BashGU Publ., 1974, iss. 1, 286 p. (in Russ.).
- Nora P. [Problematics of sites of memory]. *Frantsiya-pamyat'* [France-memory]. Saint Petersburg: SPbGU Publ., 1999, pp. 17–50. (in Russ.).
- Olick J. K. [Collective memory: two cultures]. *Istoricheskaya ekspertiza* [The Historical Expertise], available at: http://istorex.ru/page/olik_dzheffri_k_kollektivnaya_pamyat_dve_kulturi1 (accessed: 03.12.2018). (in Russ.).
- Podlubnova Yu. S. [“For Magnetostroy of Literature” newspaper and literary movement in the Urals in 1932–1933]. *Prioritety massmedia i tsennosti professii zhurnalista: materialy Mezhdunarod. nauch.-praktich. konf.* [Priorities of the mass media and the values of the journalistic profession: materials of the Intern. Sci. and Practic. Conf.]. Ekaterinburg: UrFU Publ., 2018, pp. 151–153. (in Russ.).
- Toon-Hoenshtein F. [In the laboratory of Soviet biography: Series “Life of great people.” 1933–1941]. *Che-lovek i lichnost' v istorii Rossii. Konets XIX–XX vek: Materialy mezhdunar. kollokviuma* [Person and personality in Russia's history. Late 19th–20th century: materials of the Intern. Colloquium]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2012, pp. 437–452. (in Russ.).
- Zherebtsova E. E. [Organization of space in B. Ruch'ev's poetic cycles of the 1940–1950s]. *Literaturnoye krayevedeniye. Chelyabinskaya oblast': ucheb. posobiye* [Literary Regional Studies. Chelyabinsk region: education guidance]. Chelyabinsk: Abris Publ., 2006, pp. 59–64. (in Russ.).